

ИНЖЕНЕР НАПОЛЕОНА

Воспоминания генерала Полен

Жюль-Антуан Полен

Жюль-Антуан Полен

Инженер Наполеона.

Воспоминания генерала Полена

<https://litres.ru/74559034>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодой офицер инженерных войск Жюль-Антуан Полен (фр. Jules-Antoine Paulin) проходит с армией Наполеона путь от Неаполя до Немана, от Дуная до Тахо.

Он строит мосты под огнём, попадает в плен к испанским партизанам, встречается с Наполеоном лицом к лицу и своими глазами наблюдает переломные сражения эпохи: Эйлау, Фридланд, Ваграм и другие.

Его рассказы о военных действиях — одни из самых ярких среди воспоминаний современников Наполеона.

Мемуары, полтора века остававшиеся почти неизвестными, впервые публикуются на русском языке.

Читайте также серию «Записки Фезенсака» в переводе А. С. Кашилова

Содержание

Предисловие	4
Глава I	8
Глава II	16
Глава III	20
Глава IV	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Жюль-Антуан Полен

Инженер Наполеона.

Воспоминания

генерала Полена

Предисловие

Мемуары о временах Первой империи, увидевшие свет за последние годы, показали, какая плеяда доблестных воинов расцвела на заре этого столетия. Если и были такие героические офицеры, как Лассаль, Кюрели, Марбо, блиставшие несравненным блеском на небосклоне императорской эпохи, — есть и другие люди, которые, при более скромной роли, оказали не менее значительные услуги и не в меньшей степени способствовали незабываемым успехам французских армий.

Генерал барон Полен, чьи «Воспоминания» мы публикуем сегодня, был одним из тех многочисленных солдат, в ком Наполеон умел соединить в единый прочный сплав воодушевление, ум и храбрость, чтобы сделать из них то несравненное орудие, с помощью которого он вознёс славу французского оружия так высоко, что этот период нашей истории

по праву можно назвать эпопеей.

Выпускник Политехнической школы 1798 года, генерал Полен поступил в инженерный корпус по призванию, а также в силу того культа традиции, которому никогда не изменяла его семья. Его отец, Реми Полен, выдающийся учёный, в начале Революции был офицером инженерных войск. Лишь неотложные семейные обстоятельства помешали ему продолжить блестяще начатую карьеру, а брат его матери — дивизионный генерал Сансон, граф де Риддагсхаузен, помощник начальника главного штаба Великой армии, директор Главного военного депо, — был одним из тех офицеров инженерных войск, чьи заслуги и редкие достоинства Император ценил более всего.

Эта традиция восходила к Николя Сансону, военному инженеру, государственному советнику и географу короля Людовика XIII, двоюродному прапрадеду генерала Полена. Ей суждено было сохраниться и впредь. Оба младших брата генерала Полена, как и он, сделали блестящую карьеру в инженерном корпусе. Один из них, Гюстав, дослужился до полковника и при Луи-Филиппе, предварительно реорганизовав парижский корпус пожарных сапёров, стал его командиром. Он имел честь построить со своей ротой сапёров один из двух мостов через Березину. Он первым потребовал признать за инженерными войсками их законную долю славы в этом столь героическом подвиге. Другой, Шарль, также полковник, особо отличился в 1832 году при осаде Антверпена,

первым поднявшись на штурм во главе своих сапёров. Однако революция 1848 года оборвала его карьеру: его совесть не позволила ему поступиться воинской честью. Племянник и внучатый племянник сочли своим долгом идти по пути, столь ясно проложенному их старшими родственниками.

С 1806 по 1815 год генерал Полен участвовал во всех кампаниях, кроме кампании 1812 года. Он служил офицером-ординарцем при маршале Ожеро и адъютантом дивизионного генерала инженерных войск графа Бертрана, который сам был адъютантом Императора и обер-гофмаршалом. Он прошёл путь от Неаполя до устья Немана, от устьев Дуная до устьев Рейна и Тахо. Будучи подпоручиком с 1800 года, он стал полковником в 1814-м, в тридцать два года, и был вправе надеяться на достижение высших ступеней военной иерархии: далее будет видно, как обстоятельства этому помешали.

В тот самый момент, когда неумолимый предел служебного возраста застал его ещё полным сил и юношеской энергии, он пережил тяжёлый удар — безвременную смерть любимой жены, лишившую его самого дорогого в жизни. Генерал Полен удалился в замок Сен-Леже. Там, чтобы развеять одиночество долгих вечеров, он написал заметки о событиях, в которых принимал участие, и о том, что ему довелось увидеть. Заметки совершенно личные, предназначенные исключительно для его племянников.

Унаследовав эти рукописи, мы сочли возможным дове-

рить их друзьям, желавшим узнать подробности военной жизни этого человека, чьи достоинства и характер они по праву ценили. Именно по их настойчивым просьбам мы уступаем, передавая публике эти страницы, написанные просто, без всякой претензии, продиктованные живыми воспоминаниями и почитанием того гениального человека, что пронёс из конца в конец Европы наши торжествующие три цвета.

Наша роль ограничилась тем, чтобы собрать и привести в порядок эти разрозненные заметки. Задача весьма отрадная, ибо она позволила нам лучше узнать и ещё больше полюбить этот образец верности и чести, этого солдата без упрёка, бывшего одним из наставников нашей юности, которому мы счастливы и горды воздать здесь посмертную дань глубокого уважения и благоговейной привязанности.

Раймон Полен-Рюэль, капитан инженерных войск.

Замок Сен-Леже.

Июль 1894 года.

Глава I

Мой отец. — Моё воспитание. — Я поступаю в Политехническую школу.

Мой отец, Николя-Реми Полен, родился в Реймсе 1 октября 1752 года. Его отец служил в драгунском полку при Людовике XV и довольно быстро достиг высшего чина, на который мог рассчитывать в те времена, когда для получения настоящего командования необходимо было быть дворянином.

Много раз в детстве, зимними вечерами, сидя у камина, я слушал, как мой старый дедушка рассказывал о военных действиях, в которых он участвовал во время Ганноверской кампании, и говорил о битве при Лауфельде, где обратил на себя внимание маршала Саксонского такой отвагой и таким военным чутьём, которые шестьдесят лет спустя принесли бы ему эполеты генерала кавалерии.

Но седина покрыла его волосы, годы умили кипучий пыл молодости, и он часто говаривал философски: «Война — прекрасная вещь... когда с неё вернулся».

Он дал моему отцу самое тщательное образование и воспитание, я бы даже сказал, самое замечательное для своего времени. Эти заботы, в сочетании с особо одарённым умом, должны были дать счастливые плоды, и мой отец рано стал столь же совершенным по своим умственным качествам, сколь и по внешним.

С самого начала учёбы его особенно привлекали математические науки, рисование и архитектура. Будучи одним из лучших учеников Школы мостов и дорог, которую в то время возглавлял её основатель, знаменитый Перроне, он сразу же после окончания школы, по предложению этого выдающегося инженера, был назначен преподавать там математику и архитектуру.

Впрочем, ему предстояло пробыть там лишь три года. Женившись на очаровательной женщине, наделённой всеми достоинствами сердца и ума, столь же прекрасной, сколь и доброй, он не сумел устоять перед блестящим предложением, которое, казалось, должно было обеспечить ему состояние, и принял от графа О'Рейли, генерала на испанской службе и губернатора Королевской военной академии в Авиле, кафедру математики и фортификации.

Успех моего отца был полным, но моя мать, не сумев привыкнуть к климату Полуострова, вынудила его вернуться во Францию, где бенедиктинец Дом Деполь, знаменитый настоятель Королевской военной школы в Сорезе, предложил ему пост, идентичный тому, от которого он отказался.

Именно там я родился 12 марта 1782 года.

Но великие события 1789 года приближались семимильными шагами. Вместе с ними приходили идеи новой эры, полной надежды, свободы, величия для народов, процветания для Франции.

Молодой, живой, искренний, воодушевлённый великими

свершениями, глубоко проникшийся великими примерами античности, преисполненный принципов равенства и милосердия, которым учит наша божественная религия, мой отец с жаром воспринял идеи обновления, веявшие над страной. Он отдавал себя целиком, предлагал на службу государству свои силы, честность, таланты и всё, что мог выделить из своего состояния в угоду общему делу. Он жертвовал собственным состоянием и состоянием своей жены, и всё золото и драгоценности обоих супругов, какими они располагали, было собрано в один патриотический дар, преподнесённый зарождавшейся и испытывавшей нужду Республике.

Во II году Республики округ Кийан представлял для испанцев удобный путь для вторжения. Как только местные власти получили об этом известие, они через гражданина Бастуля, генерального синдика-прокурора департамента Од, пригласили моего отца прибыть на место, чтобы позаботиться об обороне ущелий Кийанских гор:

— У нас есть, — говорил он, — артиллерия и люди. Нам не хватает военного инженера, и именно вас совет департамента назначает, чтобы определить наиболее выгодные пункты для установки батарей и произвести разведку местности. Приглашаю вас немедленно явиться к совету, чтобы получить указания относительно вашего поручения.

Так мой отец в одночасье стал офицером инженерных войск и оставался им до того дня, когда его отсутствие стало уж слишком жестоко ощущаться его многочисленной се-

мьей, состоявшей к тому времени из девяти детей. В тот день, хотя он был уже капитаном и видел, как блестяще складывается его карьера, он попросил о замене на своей службе. В ту пору брат моей матери, Николя Сансон, преподавал строительное дело и военное искусство в Сорезе. Чтобы облегчить возвращение своего зятя, он предложил себя на его место, и по ходатайству генерала Дюгомье, главнокомандующего Пиренейской армией, эта замена была одобрена.

15 жерминаля II года Мазюрье, тогда помощник военного министра, принял отставку моего отца. Он вернулся в Сорез, возобновил свои занятия, которые никто в его отсутствие не решался вести вместо него, и вновь, со свойственным ему пылом, посвятил себя обучению блестящей молодёжи, толпами стекавшейся в Военную школу.

На его место капитаном инженерных войск был назначен Николя Сансон, и таким образом возобновилась семейная традиция, согласно которой, начиная с Николя Сансона — военного инженера, королевского географа и государственного советника короля Людовика XIII, двоюродного прадеда шурина моего отца, — в нашей семье всегда были инженерные офицеры.

Тотчас же по возвращении в Сорез мой отец взялся за труд, о котором я обязан упомянуть, ибо он явит его внукам как его высокое достоинство, так и его скромность одновременно.

Этот труд, так никогда и не опубликованный, на несколько

лет опережал труд Монжа, который в своей «Начертательной геометрии» рассматривал те же вопросы.

Мой отец мог бы претендовать на свою долю столь важного открытия, но его скромность этому помешала. Возможно, он был прав для себя самого. Для своих детей, полагаю, он был неправ, ибо слава отца, наряду с его честью, — самая благородная часть наследия, которое он оставляет своим детям¹.

Я был на тот момент старшим из девяти детей у отца: три брата — Гюстав, Шарль и я — и шесть сестёр. Мой четвёртый брат, Ультим, родился позднее. Моё воспитание было одной из главных забот моего отца, чьё усердие не ослабевало ни на миг. Он заставлял меня изучать всё. Моего ума и здоровья порой на это не хватало, и я иногда чувствовал, как у меня слабеет голова. Помню, что, будучи ещё слишком мал, чтобы читать «Юного Анахарсиса», я порой, держа эту книгу перед глазами, терял ход мыслей и слышал шум в голове, который повергал меня в неопределённую тоску и глубокую печаль. Я изучал не только математику, древние языки, рисование, топографию, фортификацию. К этому добавлялось изучение искусств, музыки, танца. Я прекрасно пла-

¹ Вот, ради любопытства, разделы труда Реми Полена: 1. Геометральные пределы предметов, или проекции их пределов. 2. О фигурах, в которых представляются пересечения поверхностей тел, и в частности тел вращения. 3. Пределы и формы геометральных теней. 4. Градация теней и светов. 5. Перспективные пределы тела. 6. Пределы теней и их формы, их градация и отражение предметов в воде. 7. Кавалерийская, или военная, перспектива. (Прим. франц. изд.)

вал, но был слишком слаб для долгих упражнений, и однажды мне стало дурно, и я потерял сознание, получив приз по плаванию в коллеже.

Чтобы я не терял ни секунды, которая могла с пользой пойти на моё образование, отец укладывал меня спать рядом с собой и перед сном заставлял повторять ему пройденный материал. При пробуждении на меня снова сыпались вопросы по арифметике, геометрии, истории или географии, физике или литературе, так что прежде, чем дети моего возраста добивались до школьной скамьи, мой ум к тому времени трудился уже по меньшей мере добрый час.

С таким отцом, таким наставником, я неизбежно должен был делать успехи, под страхом оказаться неисправимым тупицей. Поэтому во II году Республики я получил свою первую награду по математике и первый венок в качестве награды по фортификации.

Как только Конвент учредил Политехническую школу, мой отец занялся подготовкой в Сорезе тех учеников, чьи способности, казалось, делали их достойными этой Школы, и первым, кого он подготовил к поступлению, был я — словно желая ясно показать сорезцам, чего может достичь труд, подкреплённый хорошими уроками. Меня экзаменовал в Тулузе Монж, и я был принят в 1798 году.

Фулькье, Гиро, Глез, Лескюр — как и я, сорезцы и ученики моего отца, — были также приняты, и по счастливой случайности все пятеро мы оказались в одной и той же брига-

де. На следующий год были приняты Брюель и Везиан-старший, ещё через год были приняты Везиан-младший и Горс, а в 1803 году — мой брат Гюстав.

Мне было только шестнадцать с половиной лет, когда отец отвёз меня в Париж, чтобы самому устроить меня в Политехническую школу. Ему казалось невозможным расстаться со мной — ведь я никогда не покидал его с тех пор, как научился ходить и с тех пор, как он взялся за моё воспитание. И всё же ему предстояло оставить меня почти одного в Париже, среди опасностей, подстерегающих молодёжь, неспособную защититься от всех соблазнов подобной столицы. Но ему казалось, что, устроив меня, рекомендовав меня моей тётке, своим друзьям и прежним покровителям, он будет более спокоен, чем если бы я совершил это большое путешествие один.

Одним из важнейших визитов, которые он заставил меня нанести, — и одним из тех, что могли повлиять на моё будущее, — был визит к его прежнему учителю и покровителю, знаменитому аббату Боссю, экзаменатору по инженерным войскам и флоту. Этот добрый старец принял нас со слезами на глазах и обещал ему помогать мне советом, наказав мне время от времени навещать его и рассказывать о моих успехах в учёбе в Школе. Его превосходные советы принесли свои плоды: два года спустя, по окончании Школы, он сам принимал у меня экзамен, и я вошёл в список выпускников инженерных войск, состоявший из восьми учеников в

чине подпоручиков.

Глава II

Мои первые шаги в качестве офицера инженерных войск.

Я стал офицером! Осуществилась мечта, лелеемая с самого детства, и я не знаю, испытывал ли я когда-либо за всю свою долгую карьеру более полное чувство радости, чем в тот день, когда впервые надел свой мундир с эполетами.

Быть офицером в восемнадцать лет — счастье для всякого молодого человека, желающего служить своей стране. Но чтобы понять состояние моего духа, нужно заметить, что моё назначение состоялось 20 декабря 1800 года, что с 1792 года всё внимание было направлено исключительно на военные дела, что совсем недавно состоялась битва при Маренго² и что, кроме того, меня воодушевляли блестящие успехи моего дяди Сансона, который, получив чин капитана инженерных войск в сентябре 1793 года, был уже бригадным генералом, главнокомандующим инженерными войсками Египетской армии.

Мир был заключён, и в ожидании случая лично увидеть войну нужно было учиться своему ремеслу. Я с усердием взялся за дело, движимый двойным побуждением: быть в

² Битва при Маренго — решающее сражение Второй Итальянской кампании Наполеона Бонапарта, произошедшее 14 июня 1800 года между австрийскими и французскими войсками, после поражения в котором австрийская армия вынуждена была заключить перемирие и покинуть территорию Италии. (Прим. пер.)

числе первых своего выпуска, дабы при случае быть назначенным как можно скорее в армию, если Первый консул призовет к себе учеников Мецской школы, а также чтобы отдать должное заботам, полным сердечного участия, коменданта Школы, генерала Сент-Илера, которому меня рекомендовал мой дядя Сансон и чьей благосклонности, проявленной с первого же дня, ещё до того, как я успел хоть что-то сделать, чтобы её заслужить, я хотел быть достойным.

Новая организация инженерных войск, утверждённая 10 октября 1801 года, принесла мне 22 декабря звание поручика, при этом я остался в Меце для продолжения технического и практического обучения. Я пробыл там до 10 февраля 1803 года, когда получил приказ отправиться в Италию, чтобы принять участие в важных фортификационных работах, которые Бонапарт велел провести в Александрии, желая сделать её крепостью первого разряда, способной служить ему опорным пунктом в долине По.

Мне повезло начать службу под началом одного из самых выдающихся офицеров этого рода войск — генерала Шаслу. Моему прекрасному другу Лафоркаду и мне были поручены топографические работы, необходимые для расположения новых сооружений, которыми оснащали фортификацию крепости. Эта большая работа, вкуче с руководством важной строительной площадкой, поглощала большую часть нашего времени, что не мешало нам исследовать окрестности и особенно изучать столь близкое к нам поле сражения

под Маренго, где Первый консул только что подарил французскому оружию один из прекраснейших цветков в его венце славы.

22 мая 1804 года я был произведён в капитаны 6-й роты 1-го батальона сапёров, но остался откомандированным для несения службы в Александрии.

Пока мы трудились над тем, чтобы сделать Александрию неприступной крепостью, Первый консул стал Императором. Я получил отпуск, чтобы приехать в Париж на торжества коронации, за которыми смог наблюдать вблизи благодаря моему дяде Сансону, тогдашнему директору Военного депо, который постоянно держал меня при себе, словно я был его ординарцем. Я, в частности, присутствовал на великолепном празднике, данном в Опере, организатором которого был мой дядя, — организатором столь совершенным, что маршалы Франции поручили Бертье поблагодарить его письмом «за те заботы, которые он пожелал приложить, чтобы подготовить праздник, признанный Императрицей самым прекрасным и наилучшим образом устроенным из всех, что когда-либо давались».

В ту пору я впервые увидел всё великолепие нового императорского двора, оставившее во мне восторг, столь же живой сегодня, как и в первый день.

Вернувшись в Александрию, я продолжил там свои работы. Но в это время, в такой тайне, что ни один из офицеров, бывших со мной, ничего не заподозрил, Император форми-

ровал в Булони ту Великую армию, уникальную в анналах истории, которая в 1805 году устремится на завоевание бессмертия!

Мой дядя Сансон, в качестве начальника инженеров-географов, был одним из наиболее осведомлённых о замыслах Императора, поручавшего ему главные разведки. Он тщетно пытался взять меня к себе. Однако ни я, ни кто-либо из офицеров Александрии не смогли войти в состав Великой армии. Но хотя мне не выпало счастья находиться при Ульме и увидеть Аустерлиц³, вскоре мне представился случай повоевать и принять боевое крещение.

³ Аустерлиц — в настоящее время Славков-у-Брна, Чехия. (Прим. пер.)

Глава III

В Неаполитанской армии. — Осада Гаэты. — Разведка крайнего правого фланга фронта атаки. — Меня представляют к Почётному легиону. — Аудиенция у короля Неаполя.

1 января 1806 года меня назначили в Неаполитанскую армию, и с сильно бьющимся от волнения, беспокойства и радости сердцем я отправился к своему новому месту службы. Мой друг Лафоркад, такой же робкий новичок, как и я, отправлялся вместе со мной, и рядом друг с другом мы чувствовали себя увереннее.

Жозеф Бонапарт, имея при себе маршала Массена, командовал армией, к которой мы присоединились в Болонье 9 января. Большинство из нас не знали ни цели, к которой мы направлялись, ни причины начинаемой нами кампании. Всё это войска узнали лишь 18 января из общего приказа маршала.

Бюллетень от 27 декабря, отправленный из Шёнбрунна, известил Европу о решении Императора изгнать из Неаполя правящую династию. Маршал велел зачитать его войскам и напомнил о вероломстве неаполитанского двора, который, испросив и получив договор о нейтралитете, сам же объявил войну Франции два месяца спустя, без малейшего повода, и открыл нашим врагам, англичанам и русским, вход в свои порты и крепости. Он говорил также, что если следует быть

беспощадным к вероломству неаполитанской династии и защищающим её солдатам, то надлежит сохранять мирное отношение к народу, который не был нашим врагом.

Эта прокламация глубоко врезалась мне в память. Это была первая война в моей жизни, и я впитывал каждое слово, слетавшее с уст этих командиров, которых я рассчитывал увидеть ведущими нас к верной победе.

Мы всё продолжали продвигаться вперёд, почти не встречая сопротивления, и различные рекогносцировки, которые мне поручали, ни разу не ставили меня перед сколько-нибудь серьёзной опасностью.

8 февраля мы достигли Гарильяно, где Жозеф Бонапарт разделил свою армию на три корпуса. Что до меня, я был прикомандирован к штабу 2-го корпуса, которым командовал генерал Ренье.

Через Терачину нам предстояло идти на Гаэту, к которой, почти без происшествий, мы прибыли 12 февраля. В тот же день генерал велел потребовать немедленной сдачи от коменданта крепости, принца Гессен-Филиппштадтского. При отказе, которого, впрочем, вполне ожидали, генерал Ренье тотчас же приказал генералу Гриньи силой захватить редут Сент-Андре.

Впервые я видел серьёзный бой и, широко раскрыв глаза, с пересохшим от волнения и тревоги горлом, смотрел, как наши войска спокойно идут на приступ, на полной скорости взбираются на редут, и я рукоплескал их успеху, как

вдруг увидел, что мимо нас на плечах трёх солдат проносят укрытое плащом тело генерала Гриньи, которому ядро только что снесло голову. Молча, сняв шляпы, мы смотрели на эту жертву собственной доблести, и я, не привыкший к ужасам поля сражения, невольно думал о семье этого солдата — неведомой мне, впрочем, — который, полный задора, только что отдал жизнь за свою родину.

На следующий день мы узнали, что депутаты Неаполя только что договорились с Жозефом Бонапартом о сдаче Гаэты и Неаполя, и мы уже сожалели о своей кампании, которая закончилась, не успев начаться.

Принц Гессен-Филиппштадтский, однако, не пожелал признать действительность этой сдачи и заявил о своём намерении защищать до конца крепость, охрану которой доверила ему королева Каролина.

Генерал Ренье, овладевший внешними укреплениями Гаэты в первый же день, не должен был продолжать её осаду. Эту задачу поручили маршалу Массена и его корпусу, который одновременно охранял Неаполь. Но почти все инженерные офицеры армии были прикомандированы к осадному корпусу. Я оказался в их числе и с радостью вновь обрёл Лафоркада, чья судьба, решительно, была связана с моей.

У меня нет ни намерения, ни притязания составить рассказ об осаде Гаэты. Этот труд не входит в рамки этих личных строк, где я хочу говорить лишь о том, что касалось лично меня и что я видел.

Что до общей службы, мне предстояло вместе с товарищами нести траншейную службу. Кроме того, у меня было довольно важное поручение. На нас с Лафоркадом были возложены рекогносцировки, трассировки осадных сооружений, их съёмка и составление планов, прилагаемых к журналу осады.

Во время моей траншейной службы не произошло ничего примечательного, и я сохранил лишь воспоминание о значительных трудностях, которые представляли подступные работы на песчаном грунте, где для укрепления апрошей нам приходилось почти повсюду облицовывать их ценой величайших усилий, — трудностях, сравнимых лишь с трудностями минной проходки сквозь скальные глыбы, местами пронизывавшие песчаную равнину.

Но в ночь с 4 на 5 апреля у меня было важное поручение, которое произвело на меня сильное впечатление, ибо впервые мне предстояло отправиться одному на поиски сведений первостепенной важности с точки зрения руководства осадными операциями.

Утром 4 апреля я получил приказ немедленно явиться к генералу Лазовски, чья квартира находилась в Каstellоне. Я тотчас же явился, и генерал, протягивая мне руку, сказал: — Дорогой мой Полен, ваш дядя Сансон горячо рекомендовал вас генералу Валлонгу и мне. У меня есть два способа проявить к вам интерес: либо оградить вас от опасностей, либо дать возможность продемонстрировать свои достоин-

ства.

Тогда я его прервал:

— Мой генерал, этот выбор должны сделать за меня вы сами: иначе это было бы оскорблением как для меня, так и для моего дяди. И я надеюсь, что вы не забудете обо мне, когда сможете найти мне применение при любых обстоятельствах — и в особенности тогда, когда предстоит столкнуться с опасностью или когда представится случай доказать, что я достоин быть сыном своего отца и племянником генерала Сансона.

— Что ж, друг мой, сегодня вечером у вас будет серьёзное поручение. Прежде чем окончательно определить точку атаки, генерал Кампредон хочет знать, возможно ли предпринять внезапный штурм стены по лестницам против куртины⁴, возвышающейся над скалами у самого моря, на нашем крайнем правом фланге. Ему нужен точный ответ завтра утром. Ступайте, я рассчитываю на вас.

Я удалился, сказав:

— Мой генерал, вы получите ответ завтра на рассвете.

Весь день меня преследовали воспоминания о рекогносцировке, произведённой моим дядей Сансоном при осаде Сен-Жан-д'Акра, где он был тяжело ранен в правую руку, отправившись измерять высоту контрэскарпа⁵напротив бре-

⁴ Куртина — участок крепостной стены между двумя бастиянами или другими выступающими частями укрепления. (Прим. пер.)

⁵ Контрэскарп — внешний откос рва укрепления, который обращён в сторону

ши, пробитой у большой атакующей башни. Добравшись до края рва, ползя на четвереньках, он собирался прощупать ров верёвкой с большим камнем на одном конце, когда пуля, выпущенная из одной из бойниц второго этажа башни, пронзила ему правую руку, выступавшую над гребнем рва. Не жалуясь, без единого крика, который мог бы привлечь внимание неприятеля, он упорствовал в исполнении своего поручения и дважды тщетно пытался повторить попытку. Ему пришлось отступить, побеждённого болью, так и не сумев уточнить глубину рва, но убедившись, что контрэскарп облицован каменной кладкой.

Тогда я отдал бы всё, чтобы быть способным сделать то, что сделал он.

Около четырёх часов дня я отправился к нашим наиболее выдвинутым вперёд работам на правом фланге и с подзорной трубой как мог наметил путь, которым следовало идти, чтобы добраться до подножия куртины. И, как только настала ночь, я направился к морю, чтобы исполнить своё поручение.

Чтобы не производить никакого шума, я заменил свои сапоги на матерчатые туфли, а в качестве оружия у меня были лишь два пистолета за поясом.

Под прикрытием наших работ я смог выйти на пляж и на цыпочках пройти за парапет. Песок заглушал мои шаги, и я вполне надеялся добраться до цели, не привлекая внима-

ния. Я быстро добрался до скалистого откоса, образующего подножие куртины, и, лёжа на животе, начал взбираться по расщелинам скалы, стараясь не скатить ни единого камня и избежать любого шума, который мог бы привлечь внимание часовых, если таковые были на валу. Подъём был тяжёлым, но моё стремление достичь цели было столь велико, что я даже не замечал, как мои руки раздираются об острые выступы скалы.

Мне удалось добраться до самого подножия куртины. Её высота была не слишком значительной, и её можно было бы взять штурмом без особого труда, но подступы к ней были непроходимы для войск. Одинокий человек, как я, мог туда добраться, но вооружённый отряд никогда бы туда не дошёл. Для меня картина была ясна. Нужно было возвращаться во французские линии. Ночь была великолепна, звёзды, чей свет не выдал меня во время моей вылазки, казались мне ещё более яркими, и я опасался, что на обратном пути мне повезёт меньше, ибо спуск с этих крутых скал был ещё труднее подъёма.

Я остановился передохнуть на минуту и уже собирался продолжить спуск, как вдруг услышал над своей головой смену часовых. Я как мог притаился в тени, и, когда шум над моей головой прекратился, я решился вновь пуститься в путь. Не успел я сделать и двадцати шагов, как глыба, на которую я опёрся ногой, поддалась под моим весом и, с грохотом, показавшимся мне чудовищным, покатила от скалы к

скале, чтобы в конце концов упасть в море. От неожиданности я остановился и, стараясь стать как можно незаметнее, ждал, тревожно устремив взгляд на гребень, серым силуэтом вырисовывавшийся на небе необычайной, чистейшей синевы.

На вершине вала ничто не шелохнулось, но я счёл полезным ещё долго оставаться неподвижным, чтобы убедиться, что за мной не следят. Наконец я решился. С трудом, с предосторожностями на каждом шагу, я сумел завершить свой спуск и удовлетворённо вздохнул, почувствовав под ногами песок пляжа, вдоль которого я двигался очень осторожно, чтобы не рисковать в последнюю минуту потерять плоды столь хорошо использованной ночи.

Наши траншейные караулы знали о моём выходе за линии, и я смог вернуться туда, не будучи потревожен. Не тратя времени на то, чтобы добраться до своего жилища, я тотчас же явился к генералу Лазовски, которому в четыре часа утра доложил о своём поручении. Лицо и руки у меня были в крови, одежда, изодранная о скалы, была вся в лохмотьях. Но моя цель была достигнута, и генерал, крепко пожав мне руку, отпустил меня, назначив мне встречу в этот же день, в десять часов утра, у генерала Кампредона.

Там я сделал подробный доклад о своей разведке перед генералами Лакуром, командовавшим осадными войсками, Кампредоном, командовавшим инженерными войсками, и Лазовски, его помощником, и удалился, осыпанный горячи-

ми похвалами за то, как я исполнил своё поручение. Это было больше, чем я заслуживал. Я был просто счастлив.

Как я уже говорил, помимо траншейной службы, мы с Лафоркадом упорно трудились над своими топографическими работами. Нам удалось начертить прекрасный план осадных работ, который был передан Императору князем Невшательским⁶.

17 июля в цитадели Гаэты образовалась брешь, пригодная для штурма, но, прежде чем начать штурм, маршал Массена велел потребовать от гарнизона сдачи. 10-го числа принц Гессенский был тяжело ранен, и крепость лишилась вместе с ним главной движущей силы своей обороны. Поэтому была принята почётная капитуляция, и 18-го мы вошли в её стены.

Генерал Кампредон внёс меня в список офицеров, для которых просил звезду Почётного легиона. Но министр счёл его прошения слишком многочисленными и вычеркнул трёх офицеров с наименьшей выслугой, не имевших ранений. Мы с Лафоркадом оказались в их числе.

Радость от успеха в моей первой кампании несколько сгладила моё разочарование, и я твёрдо пообещал себе действовать ещё лучше в будущем.

Генерал Лазовски вскоре представил меня королю Неапо-

⁶ Луи Александр Бертье (1753–1815) — маршал Империи, владетельный князь Невшательский (также с 1805 года герцог Валанженский и с 1809 года князь Ваграмский). В 1799–1807 годах — военный министр и одновременно в 1799–1814 годах — начальник штаба Наполеона I. (Прим. пер.)

ля на частной аудиенции. Король Жозеф выразил мне сожаление о том, что видит меня без награды после моих действий во время осады, обещал настоять перед Императором, чтобы меня приняли в Почётный легион, и добавил, что намерен учредить орден за заслуги перед его короной и что я буду включён в первое же пожалование этого ордена. Я действительно получил его сразу же после учреждения.

Глава IV

Я покидаю Италию, чтобы присоединиться к Великой армии. — Являюсь к маршалу Ожеро. — Берлин.

После окончания осады Гаэты меня вызвали в Неаполь, где я должен был служить под руководством полковника д'Опуля, директора фортификаций, и в течение моего пребывания в этом чарующем городе я смог воспользоваться всеми бесчисленными удовольствиями, какие там можно найти.

Внеза

Битва при Вальми — сражение, состоявшееся 20 сентября 1792 года на севере Франции в ходе Войны первой коалиции. Революционная французская армия остановила наступление прусских и австрийских войск под командованием герцога Брауншвейгского. (Прим. пер.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.